

Шу Июй отбросил использованный шприц в специальный контейнер для отходов и, взглянув на всё ещё свернувшегося на диване Ми Наня, понял, что толку от этого было мало.

Ингибитор должен был подействовать мгновенно.

Ми Нань уже не мог соображать, его губы мелко дрожали, не в силах издать ни звука. Мысли, словно обезумевшие, метались в его голове, едва не разрывая мозг, а в воздухе внезапно взорвался аромат мяты и лимона.

— Вколи мне еще! — Ми Нань, у которого на лбу вздулись вены, крикнул Шу Июю.

— Даже не думай об этом, — отрезал тот.

— Черт! — Глаза Ми Наня налились кровью, он попытался подняться, чтобы вырвать шприц, но Шу Июй схватил его и снова прижал к дивану.

У Ми Наня была болезнь желез, из-за чего периоды повышенной восприимчивости случались у него слишком часто. Эта хворь лечилась несложно, но требовала определенных усилий, а главное — желания самого больного. Вот только Ми Нань страдал патологической эмоциональной брезгливостью: выглядел распущенным, а внутри был чист, как горный хрусталь. Помимо болезни, у него были и другие странности: он не любил нежных омег, предпочитая им brutальных альф. Поэтому то, что для других было пустяком, для него стало тяжелым недугом — проблему, которую можно было решить простой меткой от омеги с высокой совместимостью феромонов, он тянул годами.

Физиологическое отторжение вынуждало его полагаться лишь на ингибиторы. И только после того, как он сошелся с Шу Июем, болезнь отступила сама собой. Это полностью опровергло слухи о несовместимости феромонов двух альф. Ученые вечно твердили, что метка между альфами невозможна, так как мозг автоматически воспринимает феромоны своего пола как сигнал к атаке, переводя организм в боевой режим.

Но они ошибались.

Шу Июй бесчисленное количество раз ставил Ми Наню глубокие метки, пропитывая его насквозь своим запахом. Отторжение феромонов? Его не существовало. Если совместимость достаточно высока, если один любит достаточно сильно и готов всем сердцем принять феромоны другого — пол не имеет значения, любые феромоны становятся лучшим афродизиаком.

Он проверял это на Ми Нане снова и снова. И до сих пор порой терялся в догадках, за что именно тот его полюбил. Те дни и ночи, проведенные в неразрывной близости, когда они сплетались в единое целое — чаще всего это было результатом того, что Ми Нань переступал через свою гордость ради него. Они оба были альфами, прирожденными хищниками. Но тот человек всегда добровольно отказывался от своей спеси, позволяя творить с собой что угодно,

и ни разу не ответил отказом.

Концентрация феромонов в комнате росла, и даже Шу Июй начал чувствовать дискомфорт. Он прикрыл нос рукой — запах был слишком удушливым. В конце концов, в прошлой жизни они были связаны целых шесть лет, и он не имел никакого иммунитета к этому аромату мяты и лимона.

Подумав секунду, он перестал колебаться. В конце концов, рано или поздно Ми Нань все равно будет принадлежать ему, какая разница, когда ставить метку.

Он подошел к дивану, поднял мужчину, усадил его к себе на колени и, наклонившись к самому уху, прошептал соблазнительно:

— У меня есть способ. Хочешь попробовать?

Ми Нань слабо мотнул головой. Сознание уже начало меркнуть, но тонкий аромат алкоголя, исходящий от мужчины, заставил его потянуться навстречу. Даже если подсознание твердило об опасности, он не смог устоять. Интуиция подсказывала — этому человеку можно верить.

Он с трудом выдавил:

— Как помочь?

— Вот так. — Шу Июй указал на его затылок и имитировал укус.

Ми Нань, чей разум был затуманен, по инерции решил, что тот предлагает ему поставить метку, и удивленно спросил:

— Ты омега?

Шу Июй рассмеялся:

— Омега тебе не поможет.

— Тогда как ставить метку?

— Я поставлю.

— Альфа? Ты шутишь? — Ми Нань вцепился в его воротник, решив, что над ним издеваются.

Шу Июй выпустил свои феромоны — резкий запах водки. Два потока феромонов столкнулись на мгновение, но вместо отторжения слились воедино. Ми Нань, не веря своим чувствам, усилил отдачу, но результат остался прежним — напротив, окутанный запахом водки, он почувствовал удивительную легкость.

Он не понимал. Что это за новый вид такой?

Шу Июй улыбнулся с самым невинным видом:

— Видишь? Мы ни капли не отторгаем друг друга.

Ми Нань промолчал, не сводя с него глаз. На душе было паршиво. К черту этот период восприимчивости! Непонятно, зачем вообще нужна такая идиотская физиологическая особенность!

Шу Июй не торопился, его лицо выражало искренность и честность, а голос звучал вкрадчиво:

— Позволь мне помочь тебе, хорошо?

Ми Нань чувствовал, как внутри все запуталось. Было в этом что-то необъяснимо странное. И все же это лицо вызывало у него чертовское доверие. Словно... он уже видел его где-то, это было пугающе знакомо.

Ми Нань колебался. Метка альфы альфой — вещь неслыханная, но он не мог не признать, что бушующее в теле желание под воздействием феромонов мужчины заметно утихло. Ладно, была не была. Если не справится, придется вызывать охрану, чтобы те тащили его в больницу, а молодой господин семьи Ми не мог позволить себе такого позора.

— Если не получится, я тебя убью! — зло предупредил Ми Нань и слегка повернул голову, открывая шею.

— Хорошо. — Шу Июй наклонился, и его сухие губы коснулись затылка мужчины.

Ми Нань нахмурился так, что, казалось, между бровями можно было зажать монету. Его подернутые влагой глаза уставились в потолок, а затем он просто закрыл их, окончательно отказавшись от попыток что-либо осмыслить.

Шу Июй опустил веки, приоткрыл рот, обнажая клыки, и изо всех сил подавил рвущееся наружу желание обладать. Он твердил себе: только нежно, очень нежно, — и начал по капле передавать свою водку.

Но привычки, въевшиеся в кости, было не изменить в одночасье. Стоило коснуться того, о ком

он грезил ночами, как Шу Июй на мгновение потерял контроль. Аромат водки взорвался, смешиваясь с мятой и лимоном, но, как ни странно, они звучали гармонично. Хотя оба были альфами и должны были до смерти ненавидеть феромоны друг друга, в Ми Нане не всколыхнулось ни капли жажды битвы.

Он отчетливо почувствовал, как клыки пронзают кожу, как жгучая водка вливается в кровь — это было так уместно и правильно, что нервное напряжение, казавшееся бесконечным, вмиг исчезло. Но из-за того, что феромоны партнера были слишком концентрированными, в голове наступила пустота.

Он бессильно обмяк на диване, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Черт.

Это было чертовски возбуждающе, до мурашек.

Шу Июй осторожно придерживал Ми Наня за плечи, чувствуя безумную радость от того, что вернул его. На его красивом лице не дрогнул ни один мускул, но слегка подрагивающие пальцы выдавали напряжение. Он обнимал этого человека бесчисленное количество раз, целовал тысячи раз, знал его лучше, чем самого себя. Но сейчас Шу Июй боялся приложить хоть малейшее усилие, его руки лишь легко обхватывали Ми Наня, позволяя тому прижаться к его груди.

Его взгляд, прикованный к лицу мужчины, был полон жадности. Раньше, как бы он ни старался, он не мог вспомнить, как Ми Нань выглядел в юности, но теперь, когда это лицо было прямо перед ним, Шу Июй понял: оно ничуть не изменилось. То, что он не мог вспомнить, было лишь следствием его собственной трусости — он просто не решался.

Молодой господин столичной семьи Ми славился своей красотой, в его роду было немало знаменитых актеров, гены взяли свое. Шу Июй тихонько намотал на палец прядь мягких, слегка вьющихся волос — они были совсем не такими, как у других, пугающе нежными. Тонкие, изящные черты лица еще сохраняли юношескую чистоту, длинные ресницы, влажные алые губы, неестественный румянец... это лицо было красивее, чем у любого омеги, но в нем не было ни капли женственности.

Высокая, стройная фигура — настоящий идеал, который выглядит еще лучше без одежды. Шу Июй особенно обожал его длинные прямые ноги.

И в конце концов, он же их и погубил.

Этот человек, если любил, то отдавался чувству без остатка. У метки между двумя альфами был фатальный изъян: помеченный альфа больше никогда не мог никого пометить сам и не мог принять другую метку, потому что внутри него навечно поселились два переплетенных потока феромонов, не оставлявших места ни для чего другого.

Шу Июй узнал об этом только после смерти Ми Наня. Тот мужчина раз за разом в одиночку переживал периоды восприимчивости, пока лекарства не перестали действовать, но все равно отказывался сводить глубокую метку, ведь это был последний след, оставленный Шу Июем. В итоге это спровоцировало ментальный срыв, и он погиб. Даже будучи в полном беспомоществе, он рвался к Шу Июю, оступился, упал с лестницы, раздробил ноги, и даже ампутация не помогла пережить критический период.

Шу Июй думал, что Ми Нань сам не хотел жить, раз выбрал такой жестокий способ уйти. Он не мог понять такой силы чувств. Сам он не был человеком влюбчивым, скорее даже холодным. Когда Ми Нань пришел к нему с предложением сойтись снова, он отказал, почти не задумываясь. Любовь Ми Наня была слишком удушающей, а Шу Июй не желал быть запертым в клетке его сердца.

И тогда тот, когда-то высокомерный молодой господин, склонил перед ним свою гордую голову, опустил до самой пыли и со слезами умолял:

— Можно... можно мне еще один шанс? Я обещаю, обещаю, что больше никогда не буду следить за тобой.

Тогда Шу Июй, холодный и безжалостный, лишь равнодушно ответил:

— Ми Нань, это была всего лишь игра, не принимай ее так всерьез. Мы оба альфы, никто из нас не пропадет без другого. Игра окончена, пусть она останется в памяти как прекрасный момент.

В тот миг в глазах мужчины погас свет. Шу Июй не понимал, насколько глубоким было отчаяние Ми Наня и сколько мук и страданий ему пришлось пережить в последующие дни.

<http://bllate.org/book/22113/2301895>